

УДК 101.1:316

И.В. Лисовская

**НОМО МЕCHANICUS:
«ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕДЕЛКА ЧЕЛОВЕКА»**

В статье исследуются кризисные явления «техногенного общества», главным атрибутом которого является абсолютизация научно-технической стороны жизнедеятельности людей, вера в ее безграничные возможности. Показаны внутренние противоречия взаимоотношений науки и техники, человека и техносферы, превратившие проблему человека в одну из главных проблем современности. Цель исследования – раскрыть сущность личности технократического типа («homo mechanicus») и процесс ее формирования. Делается вывод о том, что технологизм способен обернуться против человека. Научный разум обнаружил техническую и теоретическую мощь и, в то же время, нравственную, гуманистическую беспомощность. Кризисные явления и противоречия в развитии техногенной цивилизации поставили перед человечеством проблему выживания рода человеческого.

Введение

Тема человека, его природы и будущего всегда находилась в центре философских размышлений разных исторических эпох (Ф. Ницше, М. Фуко, Ж. Делез, М. Хайдеггер). Не является исключением и наша эпоха постмодерна, суть которой сводится не к преодолению модернизма ради возврата к классике (традиционному обществу), а к плавному переходу к сверхмодернизму (информационному обществу). Многие современные исследователи (М. Делягин, В. Кутырев, С. Хоружий и др.) отмечают, что человечество начало глобальный переход в новое состояние, которое заключается в приспособлении социальных отношений, адаптированных к прошлым, индустриальным технологиям, к идущим им на смену качественно новым постиндустриальным, в первую очередь информационным технологиям. Как отмечает В.А. Кутырев, «здесь находит свое завершение начавшийся в модернизме отказ от природы как естественной среды обитания человека и замена её новой, искусственной. Происходит смена субстанций бытия. Субстанцией становится техногенная реальность» [1, с. 64]. Именно поэтому автор называет постмодернизм универсальным технологизмом, а человека считает компонентом, а не субъектом новой реальности. «Человек-субъект превращается в сингулярность, в лучшем случае в персонаж и «гомутер» как концепт и техноид» [2, с. 12]. Кризисные явления и противоречия в развитии техногенной цивилизации поставили перед человечеством ряд сложнейших проблем, среди которых следует особо выделить общее понимание ситуации человека, его перспективы развития, а также переосмысление самого понятия человеческой природы. Сегодня можно говорить о том, что в центре внимания оказывается будущее не отдельного человека, а всего человечества как глобального и общезначимого структурного образования. Цель данного исследования – рассмотреть сущность личности технократического типа («homo mechanicus»), исследовать социокультурный контекст процесса формирования такой личности.

Техногенная цивилизация

За счет быстро расширяющегося процесса технизации и сопровождающей этот процесс системы ценностей, господствующих в культуре, современная цивилизация приобрела техногенный характер. Переход от традиционного общества к техногенной цивилизации прослеживается примерно в XIV–XVI столетиях. Как отмечает

Научный руководитель – Ч.С. Кирвель, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

В.С. Степин, техногенной цивилизации предшествовали две мутации традиционных культур: культура античного полиса и культура европейского христианского средневековья [3, с. 4]. Грандиозный синтез их достижений в эпоху Реформации и Просвещения сформировал ядро системы ценностей («культурную матрицу»), на которых основана техногенная цивилизация.

Система ценностей и жизненных смыслов техногенной цивилизации разительно контрастирует с консервативностью традиционных обществ. Для традиционных обществ характерны замедленные темпы прогресса и социальных изменений, постепенное внедрение инноваций как в способ производства, так и в сферу регуляции социальных отношений. В соответствии с ценностями традиционных обществ, природа рассматривается как живой организм, малой частичкой которого является человек. Традиционные культуры никогда не ставили своей целью преобразование мира, обеспечение власти человека над природой. Предназначение человека не сводилось к преобразующей деятельности внешней среды. «Вектор человеческой активности там чаще всего направлен внутрь, на самоконтроль и самовоспитание, обеспечивающие адаптацию индивида к социальной среде» [3, с. 9]. В культуре приоритет отдается традициям, канонизированным стилям мышления, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков. Для традиционного общества характерен тип социальности, базирующийся на коммунократических, солидаристских отношениях.

Напротив, в техногенной цивилизации темпы социального развития резко ускоряются, экстенсивное развитие сменяется интенсивным. Высшей ценностью становятся инновации, творчество, формирующие новые оригинальные идеи, образцы деятельности, целевые и ценностные установки. Традиция должна не просто воспроизводиться, а постоянно модифицироваться под влиянием инноваций. Главным фактором, который определяет процессы изменений социальной жизни, становится развитие техники и технологии. Мировоззренческие доминанты техногенной цивилизации отражают понимание человека как активного существа, «противостоящего миру в своей преобразующей деятельности», а природы «в качестве закономерно упорядоченного поля объектов, которые выступают материалом и ресурсами преобразующей деятельности» [3, с. 8]. Деятельность человека рассматривается как креативный, инновационный процесс, направленный на преобразование объектов внешнего мира. Идеал деятельностно-преобразующего предназначения человека дополняется приоритетной ценностью науки и более широким пониманием власти и силы. Власть здесь распространяется не только на человека, но и на объекты, как природные, так и социальные. В техногенном мире отношения властвования становятся все более опосредованными, а на смену отношениям личной зависимости приходят отношения вещной зависимости. В техногенной цивилизации утверждается в качестве ценностного приоритета идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая может включаться в различные социальные общности.

Еще одной значимой чертой техногенной цивилизации является резкое повышение социокультурного статуса временного фактора. Если в большинстве традиционных обществ время понималось и переживалось как циклическое, то в техногенном обществе время начинает переживаться как необратимое движение от прошлого через настоящее в будущее.

Кроме того, в техногенном обществе техническая среда обладает способностью к саморазвитию и сегодня уже превращается в самодостаточный мир – техносферу. «В техногенном (индустриальном и постиндустриальном) обществе развитие осуществляется на основе наукотехники и создаваемой ею искусственной, предельно урбанизированной среды – техносферы, которые, взаимодействуя с социумом и биосферой, подчиняют, трансформируют и разрушают их» [4]. Техносфера

целенаправленно создается людьми для приобретения ими независимости от неблагоприятных факторов природной среды комфортного существования, т.е. для удовлетворения социально-экономических потребностей населения. Техносфера является посредником в системе «человек – биосфера». Содержательные характеристики техногенного общества базируются не только на изменениях, вызванных непосредственно научно-техническими производительными силами, но и на последствиях, активизированных этой сменой, – ускорении роста и усложнении техносферы, ее усиливающимся влиянии на весь ход планетарной жизни, постепенной замене естественных форм жизни искусственными, то есть замещении биосферы ноосферой, что оборачивается экологическими и антропогенными кризисами.

Российская исследовательница Г.В. Савкова характерным признаком жизни техногенных обществ определяет ценность научной рациональности и её активное воздействие на остальные культурные сферы. «В техногенной цивилизации существуют и другие ценности, но они находятся под властью научной рациональности» [5, с. 84]. Таким образом, с одной стороны, техногенная цивилизация воспроизводит и утверждает технические ценности, с другой – подавляет ценности, препятствующие технократическому восприятию мира. Как следствие, способ взаимодействия с природой, базирующийся на механических принципах, заложенных в технике, диктует человеку определенный способ поведения и мышления. В этих условиях человек не может выйти за рамки ограниченности, частичности, узости мышления, развернуть богатство своего потенциала.

Наше время, таким образом, породило новый тип современного человека, о чем один за другим пишут многие философы. Так, например, Э. Фромм называет его человеком-роботом («*homo mechanicus*»), Г. Маркузе – «одномерным человеком», Х. Ортега-и-Гассет – «человеком массы», А. Зиновьев – западоидом. Однако следует сразу же отметить, что философы трактуют феномен и перспективы «*homo mechanicus*» неоднозначно.

С одной стороны, в современной литературе ряд философов (Г. Гуревич, С. Хоружий, В. Кутырев и др.) прогнозируют развитие человечества в сторону слияния с компьютерными технологиями. Так, С. Хоружий рассматривает «постчеловека» в качестве нового «максимума трансформативности». Философ видит три возможных варианта развития событий: киборг (гибрид искусственных механизмов и человеческого тела), мутант (превращение человека в иное живое существо при помощи генотехнологий) и клон (точная генетическая копия человеческого организма) [9, с. 31].

В свою очередь В.А. Кутырев дает такое описание будущему облику постчеловека: «Это то, что приблизительно именуется роботами с искусственным интеллектом и кибернетическими системами типа «гомутер» / гомо + компьютер» [2, с. 46]. Г. Гуревич с горечью отмечает: «Люди вовлечены в такие процессы, что уже утратили свою идентичность. Потеряв свою тождественность, человек станет другим... Оказавшись «кибернавтом», он безболезненно и легко, как при обезболивающем уколе, сбросит человеческое тело вместе с тем наследием природы, которое вызвало его к жизни. Витальность отомрет как реликт, земной мир лишится своей трепетности, одушевленности. Техника, придуманная человеком, отпразднует собственное торжество» [7, с. 139].

С другой стороны, наряду с Э. Фроммом, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассет, мы склонны рассматривать «*homo mechanicus*» как тип личности техногенного общества, для которой характерны: мифологическое мировоззрение, технократический тип мышления, жизнь в соответствии со стереотипами, шаблонами, модами, которые поддерживаются общественным мнением, подавление подлинной эмоциональности и имитация эмоций. Проблема усложняется тем, что «*homo mechanicus*» превращается в объект технологического манипулирования, способствуя

технологизации и рационализации духовной жизни, а значит, утрачивает свою антропологическую данность.

«Homo mechanicus» как тип личности техногенного общества

Остановимся на основных характеристиках «homo mechanicus» подробнее.

1. *Отсутствие собственных мыслей.*

Мифы заполнили почти все сферы жизни современного человека, предлагая готовые ответы без аргументации на самые сложные вопросы, которые ставит перед собой человек. Их задача – не раскрытие истины, а успокоение человека, который не может жить без смысла. Миф «примиряет» его с окружающим миром. Популярность знахарей и гадалок обусловлена именно стремлением перенести ответственность за свою жизнь на другого. Сегодня можно утверждать, что мифы порождаются религией, наукой, СМИ, психологией («популярной» психологией и парапсихологией), образованием, построенными всецело на обслуживании государственной идеологии. Однако, какого бы происхождения ни был миф, результат один – нежелание мыслить, решать самому. Осознание того, что сложные вопросы могут быть разрешены только специалистами и что одного и того же набора мифов придерживается все общество, создает впечатление, что отдельный человек думает правильно.

Представляется, что панацеей от мифического сознания является критическое мышление. Научиться критически мыслить – научиться мыслить, анализировать, размышлять над информацией.

2. *Технократическое мышление.*

Технократизм становится глобальной характеристикой мышления и деятельности человека. Техника создает одномерно-количественный подход, и, функционируя в обществе, она многократно усиливает, размножает те стороны нашего мышления, которые являются односторонними, которые ориентированы на жесткий схематизм, механистичность, линейность и стандартизацию.

М. Хайдеггер пишет о таком мышлении, как «бегство от мышления», противопоставляя ему «осмысляющее раздумье». Он полагает, что «вычисляющее мышление» необходимо, но представляет собой частный вид мышления. «Его специфичность состоит в том, что, когда мы планируем, исследуем, налаживаем производство, мы всегда считаемся с данными условиями. Мы берем их в расчет, исходя из определенной цели. Мы заранее рассчитываем на определенные результаты. Это рассчитывание является отличительной чертой мышления, которое планирует и исследует. Такое мышление будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькулятором или компьютером» [8, с. 21].

Итак, по М. Хайдеггеру, есть два вида мышления, причем существование каждого из них оправдано и необходимо для определенных целей: «вычисляющее мышление» и «осмысляющее раздумье». Для «осмысляющего мышления» необходимы высшие усилия, длительные упражнения. М. Хайдеггер верит, что каждый может выйти в путь размышления по-своему и в своих пределах, потому что человек — это мыслящее, т.е. осмысляющее существо [8, с. 21].

Определяя черты «вычисляющего» (технократического) мышления, он называет: 1) строгую соотносительность с условиями существования; 2) целесообразность; 3) прогностический и прагматический характер; 4) калькуляцию; 5) связь не только с точным или естественно-научным знанием, но также и с гуманитарным. При таком способе мышления и возрастании роли техники человек отчуждается, превращается в технический элемент, деталь технической цивилизации.

В.П. Зинченко рассматривает технократическое мышление как мировоззрение, существенными чертами которого являются примат средства над целью, цели над

смыслом и общечеловеческими интересами, смысла над бытием и реальностями современного мира, техники над человеком и его ценностями. «Существенной особенностью технократического мышления является взгляд на человека как на обучаемый программируемый компонент системы, как на объект самых разнообразных манипуляций, а не как на личность, для которой характерна не только самостоятельность, но и свобода по отношению к возможному пространству деятельностей. Технократическое мышление весьма неплохо программирует присущий ему субъективизм, за которым в свою очередь лежат определенные социальные интересы» [9, с. 19]. Он не соотносит его с мышлением ученых или техников, а считает прообразом искусственного интеллекта.

Не вызывает сомнения тот факт, что технизации современного общества способствует нынешняя система образования, которая является, по мнению М. Делягина, основным инструментом не только обучения, но в первую очередь воспитания молодежи, а следовательно, способом воссоздания себя в будущем. Но ведь на деле технократический подход к образованию, при котором на первый план выдвигаются задачи профессионального обучения молодого человека, ведет не более чем к подготовке квалифицированных специалистов, часто именуемых «однобокими функционерами». Система образования рассматривает человека не как самостоятельную личность, а как некий фактор, выполняющий определенные операции и процедуры.

«Системы образования по всему миру все в большей степени превращаются в средство подготовки максимально удобного для управления «человеческого полуфабриката». Этот «социальный материал» адаптирован к официальной пропаганде во всех ее видах и практически не способен к критическому восприятию авторитетных мнений, не говоря уже о самоорганизации ради защиты своих интересов», – констатирует М. Делягин [10, с. 106]. Способность к самостоятельному мышлению сведена к механическому перебору незначительного числа стереотипов. Неудивительно, что Европа, окончательно не растратившая свой порыв к подлинному знанию, воинственно настроена против Болонского процесса. Причина очевидна: ориентация на максимальную формализацию знаний при помощи унифицированной системы тестов существенно снижает качество знаний, стимулирует зазубривание и отучая студентов от самостоятельного размышления.

М. Делягин приходит к выводу, что разрушение системы образования не позволит готовить должное количество высокопрофессиональных специалистов даже для простого поддержания технологической инфраструктуры в работоспособном виде, а значит, приведет к разрушительным техногенным катастрофам [10, с. 106].

3. Подавление подлинной эмоциональности.

Технократизм разрывает связующее звено всех человеческих взаимоотношений, продуктов труда и творчества, он разрушает дух творчества, любви, радости, смысла жизни, заменяя его безличным повиновением, мертвыми социальными структурами, обезличенной властью и законами. В таком обществе нет места человеку, у которого еще осталась душа с вечными ценностями и подлинными эмоциями. Он вынужден подавлять свои эмоции как положительные, так и отрицательные. Его эмоциональная жизнь оторвана от реальности. В большинстве случаев человек вынужден работать на той работе, которая не соответствует его призванию, подавляет в нем творческую активность и превращает в функцию.

Маслоу утверждает, что в процессе самоактуализации человек испытывает пиковые переживания: чувство радости, печали, полноты жизни и т.д. Это и есть проявление подлинной эмоциональности. Ведь зачастую люди улыбаются, и не радуясь или делают грустный вид, не испытывая печали. «Номо mechanicus», подавивший свои собственные эмоции, вынужден имитировать эмоциональную жизнь, которая угодна

обществу. Кроме того, он имитирует эмоциональность для себя. В итоге люди имитируют самые разные чувства, полагая, что это и есть их настоящие чувства.

Человек подавляет в себе эмоциональность, но лишь на некоторое время. Чем дольше рациональное подавляет иррациональное, тем очевиднее, что второе вырвется наружу. Поэтому наше время – это время клипов, караоке-баров, ночных клубов, рок-концертов. Их основное назначение – создать настроение и дать выход накопившимся эмоциям и переживаниям.

Таким образом, современный человек пребывает в двух состояниях: либо безэмоциональном, либо предельно возбужденном, – не позволяющих ему достичь гармоничного единения со своей сущностью.

4. Имитационный характер жизни.

Современные исследователи часто критикуют технократическое общество за имитацию творчества, повторение того, чего достигли творцы прошлого. В подтверждение своей мысли, они апеллируют к факту, что «*homo mechanicus*» не может творить, он способен только выполнять программу. В интеллектуальном плане он следует программе общественного мнения, а в деятельностном – программе офисной машины. Будучи лишенным своих мыслей, он имитирует высокий интеллект, будучи лишенным подлинных чувств, он имитирует эмоциональность. В итоге подлинный талант, творчество которого не носит имитационный характер, не находит выражения и применения в обществе, так как общество игнорирует таланты, а приветствует посредственностей. Место творческих людей и гениев заняли имитаторы.

Подлинным примером сферы деятельности имитаторов являются социальные сети, где человекоподобные машины без собственных мыслей и настоящих чувств представляют человека. Российская исследовательница О. Николина пишет: «Теперь человеку для сохранения своей индивидуальности требуется гораздо больше усилий, чем в традиционной культуре. Доступность огромного количества информации, легкий способ общения с помощью Интернета порождают феномен растворения человека в информационном поле, где он утрачивает качества живого, подчиняясь логике информационной машины. Интернет строится на анонимности, человеческой бестелесности. Общение посредством компьютера порождает замену непосредственной коммуникации с другим человеком, способствующей раскрытию нашей индивидуальности и индивидуальности другого» [11, с. 128].

Анализируя необходимость творчества в современном обществе, М. Делягин приходит к пониманию, что «повсеместное распространение компьютеров качественно повышает значимость творческого труда, связанного с внелогическим мышлением, основанным не на последовательном применении логических умозаключений, а на озарениях, мышлении не тезисами, а образами» [10, с. 125].

Так как компьютер предельно формализует логическое мышление и доводит его до совершенства, то на долю человека выпадает недоступное компьютеру творческое мышление. Из этого следует, что конкуренция людей в рамках тех или иных коллективов и обществ будет вестись на основе преимущественно творческого мышления. Соответственно, что наибольшего успеха в конкуренции будут достигать творческие люди и коллективы.

Несомненно одно: подлинное творчество – это способ самовыражения человека. Творческий труд, связанный с открытием, с созданием чего-то нового как в области науки, так и искусства, всегда индивидуален, во многом зависим от степени одаренности человека и не может быть сведен к простому труду. Продуктом творческого труда является не материальный или конечный интеллектуальный продукт, а новая художественная или научная идея, которая при “потреблении” не уменьшается, не изнашивается – она может только со временем морально устареть. То есть идея, раз

найденная в виде художественных произведений, научных открытий, изобретений и т.д., затем становится достоянием людей и служит людям, становясь их новым знанием.

Для понимания природы творческого труда и развития человечества, осознать, что творческий труд, создание новой идеи – это прерогатива человека, его уникальной мыслительной способности, и эту работу никогда не должна выполнять машина, даже самая умная. Дело в том, что это привело бы к созданию не машины, а искусственно созданного разумного существа, способного оперировать понятиями, что, разумеется, нецелесообразно и очень опасно для человечества.

И, наконец, продукт творческого труда создается его творцом не только для себя, для удовлетворения потребности в познании, творчестве и тщеславии, но и для удовлетворения высших нравственных потребностей, т.е. для удовлетворения потребности внести свой существенный вклад в развитие человечества и тем самым достигнуть духовного бессмертия. Таким образом, продукт творческого труда создается его творцом для людей, для всего человечества и тем самым для себя.

Однако «*homo mechanicus*» забывает о прекрасном, он не испытывает вдохновения от работы, для создания чего-то нового. Он не видит пользы морального, так как быть моральным становится бессмысленно для человека, являющегося частью технизированного «общества-машины». Вечные истинные законы морали и красоты, основанные на благе всеобщего, пошатнулись с приходом техногенной цивилизации и технократического разума. Наступило время глобальной деструкции и деконструкции человеческого сознания, в котором нет места культурным традициям, понятиям целостности человека и гармонии, определяющей смысл его бытия.

Заключение

Абсолютизация только научно-технической стороны жизнедеятельности людей, вера в ее безграничные возможности постепенно привели к пониманию того, что данный путь развития ведет в тупик, лишает перспектив. Впервые в истории человечества полнейшая трансформация человека, его природы и конституции становится возможной и технически осуществимой, что, несомненно, беспокоит умы современных исследователей и заставляет поднимать вопрос о выживании рода человеческого. В результате установления рациональных отношений с природой, не принимая во внимание морально-этических, нравственных, эстетических форм и способов познания, освоения и преобразования природы и социальной реальности, человек формируется как личность технократического типа – «*homo mechanicus*». Ряд ученых полагает, что человек может превратиться в придаток техники, утратить свои уникальные, собственно человеческие формы, глубинные черты своей сущности.

Перспектива подобного исхода жизни человеческой цивилизации как особой формы социальной организации, осознание негативных тенденций, получивших развитие ввиду ускоренной технизации, привели к пониманию того, что современная техногенная цивилизация переживает кризисное состояние.

Выход из сложившейся кризисной ситуации видится: 1) в осознании необходимости изменения приоритетов в шкале культурных ценностей. Так, В.М. Лейбин считает, что человек должен стать не столько разумным, сколько благоразумным. «Сочетание разума и блага в человеке и во имя человека – одно из основных условий разрешения противоречий между человеком и природой, сохранения природного богатства и становления человека подлинным человеком» [12, с. 138]; 2) в смене принципов измерений техники, ее критериев; 3) в преодолении технократической односторонности, т.е. «соподчинение сфер, при котором сфера технологий сохраняет свою изначальную служебную роль, роль средств,

и не узурпирует прерогатив целеполагания, антропологически ей не принадлежащих и не положенных» [6, с. 31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кутырев, В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 63–67.
2. Кутырев, В.А. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества) / В.А. Кутырев. – Смоленск, 2006. – 301 с.
3. Степин, В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. – М., 1994. – 274 с.
4. Дергачева, Е.А. Техногенное общество: новые грани исследования / Е.А. Дергачева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.congress2008.dialog21.ru/.../05610.htm>. – Дата доступа : 27.04.2012.
5. Савкова, Г.В. Глобализация и ценности российского общества / Г.В. Савкова // Свободная мысль. – 2008. – № 11. – С. 79–90.
6. Хоружий, С.С. Современная антропологическая ситуация в свете синергической антропологии / С.С. Хоружий // Философские науки. – 2008. – № 2. – С. 11–31.
7. Гуревич, П.С. Кибернавт как символ глобального мира / П.С. Гуревич // Век глобализации. – 2010. – № 2. – С. 139–153.
8. Хайдеггер, М. Отрешенность / М. Хайдеггер ; пер. А.Г. Салодовниковой с изд. Heidegger Martin. Gelasstheit. Gunther Neske. Pfullingen, 1959. – S. 11–28.
9. Зинченко, В.П. Аффект и интеллект в образовании / В.П. Зинченко – М. : Тривола, 1995. – 64 с.
10. Делягин, М. Между прогрессом и варварством / М. Делягин // Наш современник. – 2010. – № 9. – С. 105–115.
11. Николина, О. Метаморфозы индивидуальности в западной культуре / О. Николина // Свободная мысль. – 2009. – № 2. – С. 121–131.
12. Лейбин, В.М. Человек как глобально-уникальная проблема современности / В.М. Лейбин // Век глобализации. – 2011. – № 1(7). – С. 130–139.

Lisouskaya I.V. Homo Mechanicus: «Technogenic Transformation of Man»

The article analyzes the crisis of technogenic society, the primary attribute of which is absolutization of scientific-technical sphere of human life, belief in its boundless possibilities. The internally contradictory relationships between science and technology, man and technosphere, that turned the problem of an individual into one of the main problems of the present days, are revealed in the article. The objective of research is to disclose the essence of the individual of technogenic type («homo mechanicus») and the process of its formation. It is concluded, that technogenic society is capable to turn around against an individual. Scientific intellect demonstrated technical and theoretical power, and at the same time, illustrated moral and humanistic weakness. The crisis phenomena and contradictions of technogenic society made people face the problem of survival of mankind.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 21.05.2012